

*Моим родителям Полу и Пенни.
За то, что всегда были рядом.
У меня все будет хорошо*

Благодарности

Вот это год! С момента выхода летом 2018-го «Империя тишины» попала в руки нескольких тысяч читателей, которым я буду навеки признателен. В прошлый раз я благодарил тех, кто помог мне с публикацией: мою семью, друзей, агентов, добрых сотрудников «DAW Books», моих коллег из «Ваеп», учителей и так далее. Теперь эта страница целиком для вас, читатель. Без вас моя первая книга превратилась бы в труху на магазинной полке или на складе и мне пришлось бы зарабатывать на жизнь чем-то иным. Позвольте отдельно поблагодарить в произвольном порядке тех, кого я обошел вниманием в первой книге.

Прежде всего продавцов! Ребят из «Quail Ridge Books» в Роли, особенно Рене и Тима, а также прекрасных людей из «Anderida Books» в Великобритании — за доброту и поддержку. Гленнис из «The Missing Volume» и Алекси из «Bard's Tower» — за дружбу и помощь в лабиринтах фестивалей и ярмарок.

Критиков! Петроса, Трейси, Эмили Грейс, Нильса, сотрудников «Unseen Library» и многих других. Я тронут тем, что вам понравилась книга, и надеюсь, что новая не обманет ваших надежд. Был рад со всеми познакомиться.

Читателей! Многие из вас писали мне письма и подходили лично, и пусть перечислить каждого поименно невозможно, знайте, что я благодарен всем вам. Отдельное спасибо Дэвиду К., Ти-Джею, Лене, Алексу и Мэри-Энн, Луке из Италии, Эмилю из Швеции и Натану из Австралии. И конечно, всем моим друзьям по Интернету. Без вас у меня ничего бы не вышло.

Моих новых друзей (если они позволят так себя называть). Джеральда Брандта, Эда Уиллета, Эй-Си Эмброза, Джошуа Палматге и Джули Чернеду — за то, что помогли новичку почувствовать себя своим на вечеринках «DAW». Дэна Стаута и Кэсс Моррис — за то, что составляли мне компанию, будучи такими же новичками. Мою семью из «Ваеп»: Веберов, Дрейков, Коррейя (Ларри, спасибо за то, что помог мне по-

ставить рекорд продаж!), Кейси Эзелл, Джоди Линн Най, Майка Мас-су, Гриффина Барбера... и всех-всех-всех. Р. Р. Вирди и Эл-Джея Хак-мейстера — вы самые крутые! И конечно, Ди-Джея Батлера, одного из самых благородных и щедрых людей в нашем деле.

И наконец, Дженну, которая за последние полтора года прошла путь от моей подруги до невесты. Я буду вечно тебе благодарен. За все. Люблю тебя, моя дорогая.

Глава 1

КРАСНЫЙ ОТРЯД

Тьма.

Зеленые, словно старая бронза, глаза смотрели на меня из тумана — впивались рыболовными крючками, тянули на поверхность. Я чувствовал себя странно. Было холодно. В воздухе висела голограмма лица Борделона, которого я уничтожил мгновением раньше. И не только она. Рядом я видел Гиллиама, скривившего губы в презрительной усмешке. Уванари. Мой мир наполнился какофонией: криками умирающих, улюлюканьем зрителей Колосо, биением собственной крови в ушах.

Тогда я осознал, что был мертв и вся эта осязаемая тяжесть — плата за преодоление беспомощности. Бремя возвращающейся жизни. Я — выжил. Снова.

— Лорд-комендант? — раздался знакомый голос с необычным акцентом, происхождение которого я не мог вспомнить — если вообще знал. — Лорд-комендант?

Я скрывался в подвале на Фаросе. Со мной была женщина, которую я любил, — ах, эти волосы чернее ночи! Мы прятались от Борделона и норманцев, ведь те сдали нас адмиралу Венту. Нет. Нет, это было очень давно, после Эмеша, но мой сбитый с толку мозг впитывал ее аромат вместе с запахом горелой древесины, вспоминал ее тепло и вкус пайков, которые мы делили во тьме.

— Лорд-комендант?

Туман рассеивался, отступал в глубины исторических эпох. Я слышал крики, всхлипы и понимал, что они — мои собственные, пропущенные сквозь кости и время, чтобы заставить меня почувствовать и узреть ужасы прошлого, ибо невозможно быть живым, не помня всего этого. Той ночью в Боросево сильные пальцы порвали на мне одежду, тело Кэт утонуло в канале... Ясные, как будто заново пережитые, воспоминания бумажными фонариками взмывали ввысь, прочь от меня. Я пытался схватить их, но руки

словно налились свинцом и не слушались. По телу растекалось тепло, прогоняя тот океанический холод, что кровоточил из моих ладоней.

Кровоточил.

Я был в постели. Или в некоем подобии постели. Надо мной кто-то склонился. Я узнал старого Тора Гибсона. Его серые глаза показались мне в бреду зелеными, как его мантия, но львиную гриву и щетинистые бакенбарды, трепетавшие на порывистом мейдунском ветру, ни с чем нельзя было спутать.

— Мертв? — прохрипел я, имея в виду то ли себя, то ли его.

— Пока нет, — улыбнулся старый схоласт. — Этого еще можно избежать.

— Лорд-комендант, не шевелитесь, — снова раздался этот странный голос. Знакомый. Мне казалось, что он тоже исходит изо рта Гибсона. — Вы еще в фуге.

— Неправда, — ответил я, глядя на схоласта. — Я же вижу Гибсона.

— Кроме нас, здесь никого нет! — прозвучал голос из другого места, напротив, но сам схоласт остался недвижим.

Когда Гибсон говорил, его губы не шевелились: «Актер знает, что он на сцене. Персонаж знает, что никакой сцены нет».

Похоже на один из его афоризмов, хотя я такого не помнил.

Рассудок мой помрачился. Я ведь сейчас в подвале на Фаросе — или это случилось много лет назад? Она была со мной, за нами охотились головорезы адмирала Вента, но мы спаслись. А Гибсон умер. И я тоже — или оказался на волосок от смерти. Был заморожен.

— Вы знаете, где находитесь?

Мне задан вопрос. Вопрос, обращенный к древнейшим системам поиска и ориентирования, расположенным в глубоких уголках моего разума.

«Вы знаете, где находитесь?»

На сцене словно поднялся занавес и возникли голографические декорации. Туман рассеялся, мир обрел внятные очертания. Я был в корабельном госпитале — медике. Белые стены, белый пол, белый потолок. Невероятная чистота. Я лежал в открытой портативной фуге, которую кто-то притащил сюда и использовал для моего воскрешения. Повернувшись, я понял, что Гибсон исчез. Галлюцинация? Не иначе вызванная тем, что я отчасти думал голосом Гибсона.

После Эмеша минуло двенадцать лет.

Я вспомнил:

— Это «Фараон».

Корабль мы раздобыли на Фаросе и оставили себе после той истории с норманцами и адмиралом Вентом, когда нас предал Борделон. Его команду наняли вместе с нашей, чтобы доставить оружие повстанцам, желавшим сбросить диктатора Мариуса Вента. Мы согласились, потому что репутация надежных наемников могла помочь нам в поисках Воргоссоса. Но Борделон проявил вероломство. Пришлось прорываться с боем. Мариус Вент сдался, Эмиля Борделона убили его же солдаты — после того как я сделал им предложение, от которого невозможно отказаться.

Женщина у моей постели, чернокожая норманка с похожими на витую проволоку волосами, одобрительно кивнула:

— Правильно. А меня вы помните?

На ней был облегающий бордовый комбинезон. Униформа, которую я сам придумал. С карманами на застёжках и манжетами.

— Доктор Окойо, — это был не ответ, а обращение, — кажется, на мне нет криоожогов.

Я попробовал сесть и вдруг понял, что гол, как Адам.

— Лорд Марло, не шевелитесь. — Она аккуратно, но настойчиво снова уложила меня. — Я еще не откачала весь ТХ-9.

Повернувшись, я увидел стойку с пакетами для переливания крови. Четвертая группа, резус-фактор положительный. Напротив в таз стекала незамерзающая жидкость, которой была заменена кровь в моих венах. В ослепительно-белом свете она мерцала густым синим, почти черным оттенком.

Спустя секунду я предложил:

— Доктор, вы могли бы оставить меня на попечение медтехника.

— За такое, — выразительно произнесла она, — коммодор Лин спустил бы с меня шкуру. Слышала, у вас, имперцев, это в ходу.

— Возразить нечего, — согласился я, — но нас не надо бояться.

Ненадолго воцарилась тишина. Доктор Окойо принялась работать с диагностическим терминалом, а я сделал вид, будто не замечаю собственной наготы, и попробовал рассортировать навязчивые образы. После фуги всегда трудно соображать. Те, кто бросил меня на Эмеше, удосужились залить в мое тело достаточно крови, чтобы их не обвинили в умышленном убийстве. Во время той заварушки я был без сознания, но с тех пор всякий раз перед пробуждением мне приходилось продирается сквозь дебри памяти. Говоря научным языком, при возвращении в сознание мозг проявлял

гиперактивность. Так, должно быть, ощущается смерть, ведь в фуге жизненные процессы прекращаются. Быть заспиртованным — все равно что умереть. Я был сродни трупам или куску мяса в холодильнике.

Конечно, я ошибался. Со смертью это состояние не имело ничего общего. Совсем ничего.

— Какой сегодня день?

— Шестнадцать-два-девятнадцать-точка-один-один, — не обращившаяся, ответила Окойо.

— Ноябрь, — задумчиво произнес я.

Шестнадцать тысяч двести девятнадцатый год по имперскому летоисчислению. После Эмеша прошло сорок восемь лет, однако прожил я лишь двенадцать из них. Сорок восемь лет мы притворялись наемными солдатами. Сорок восемь лет вдали от графа Матаро и его видов на меня для своей дочери. Сорок восемь лет в качестве рекрута Имперских легионов.

Сорок восемь лет войны. Бесплодного, геноцидального крестового похода на съельсинов — ксенобитов, охотившихся на людей, словно волки на овец. Сорок восемь лет поисков Воргоссоса, с пленными съельсинами на борту и надеждой на дипломатическое решение конфликта. На мир.

— Есть новости? — спросил я, пользуясь моментом, чтобы сесть, пока доктор не смотрит.

Голова закружилась, и мне пришлось схватиться за края фуги. Вскоре я обрел равновесие и вытащил из бокового отсека сложенный халат.

— Удалось выследить того торговца оружием, о котором рассказывали пираты на Саноре? — спросил я.

Доктор обернулась на шум и поспешила ко мне. Повысив голос, она опять попробовала уложить меня, но я остановил ее:

— Дайте хотя бы одеться.

— Лорд Марло, вы рискуете вновь отключиться! — вспыхнула Окойо.

— Все хорошо, — неожиданно слабым голосом прошептал я. — Все хорошо.

Она придержала меня за плечи, но я смог лишь прикрыться халатом ниже пояса. Этого было достаточно. Меня насторожило мое дыхание — тяжелое и влажное. Повернувшись на бок, я согнулся над тазом и выкашлял из легких сгусток фиолетового раствора.

— Ничего хорошего, — возразила Окойо. — Вы шесть лет были заморожены.

— Шесть лет? — изумился я. На такое я не рассчитывал. — Где мы?

— Лорд, — помотала головой доктор, — об этом лучше спросить коммодора.

Бассандер Лин выглядел старше, чем мне помнилось, и я невольно задумался о том, какой отрезок нашего путешествия язвительный капитан провел в сознании. Я зову его капитаном, потому что он, по сути, и есть капитан. Роль коммодора — лишь ширма, маска, как и мой титул лорда-коменданта. Перемены не были разительными: никаких морщин в уголках рта или глаз, ни проблеска седины на висках. Впрочем, Лин был патрицием, бронзовокожим мандари из древнего рода, почти столь же высоких кровей, что и я. Единственная заметная перемена проявилась во взгляде его черных глаз. Он стал тверже, как будто ядовитая смола наших с ним взаимоотношений превратилась в янтарь. Его каюта на борту «Фараона» раньше принадлежала норманскому коммодору Эмилю Борделону, и Бассандер Лин позаботился о том, чтобы о предыдущем хозяине ничто не напоминало. Порнографические картины были выброшены вместе с вычурными рамами, ковры убраны. На полу еще виднелись следы гигантской кровати прежнего коммодора, на месте которой теперь стояла простая солдатская койка. Даже одеял не было.

— Хорошо выспались? — спросил он, не поднимаясь из-за рабочего стола. — Окойо сказала, вы полностью здоровы.

У него была дурацкая привычка отвечать на собственные вопросы. И я промолчал, а усевшись в кресло, поерзал и сполз по сиденью, развалившись. В бордовой униформе я чувствовал себя неловко. На Бассандере была такая же; воротник-стойка отутюжен, воинские регалии смотрятся как влитые. У меня знаков отличия не было, если не считать эмблемы, золотой нитью пришитой к левому плечу.

Бассандер взял со стола тяжелую кружку и, не глядя на меня, произнес:

— Эта Корво считает, что нашла нужного нам человека.

Я тут же выпрямился и с любопытством оперся на столешницу. Лин пристально посмотрел на меня и сделал глоток.

— Крашеного? — спросил я.

Так звали того человека саноранские пираты.

Капитан помотал головой и встал, повернувшись ко мне спиной.

— Некогого прохиндея по имени Самир. Корво говорит, он работает на Крашеного.

Тонкий, узкоплечий Лин напоминал рапиру. Его как будто обрамлял голографический экран, на который выводились записи с корабельных камер наблюдения.

— Корво послала на планету лейтенанта, — продолжил капитан. — Он связался с целью.

— Значит, мы нашли Воргоссос? — спросил я.

Бассандер не шелохнулся, лишь переключил экран на другую камеру.

— Нет...

Он опустил руки по швам, и я заметил на его поясе меч из высшей материи, ранее принадлежавший адмиралу Мариусу Венту, из-за которого мы едва не погибли на Фаросе.

— Человек Корво сообщил, что этот Самир — местный, представляющий интересы экстрасоларианцев, — пояснил Лин.

— Надо бы договориться о встрече.

— Как сказать, — пожал плечами капитан и взъерошил дымчатые волосы. — Это было бы легко, будь с нами Четыреста тридцать седьмой легион, но с нашей репутацией... засмеют.

В любом случае подкрепления нам ждать было неоткуда. Ближайшие союзники находились в тысячах световых лет и нескольких десятилетиях реального времени от нас.

— Бассандер, — произнес я с нажимом, — то, что мы действуем под прикрытием, не значит, что над нами можно смеяться.

Лин презрительно кашлянул и уставился в экраны:

— У нас один человек на шесть норманцев, которых вы подобрали, а про ваших колоссианских крыс я вообще молчу.

Я с трудом удержался, чтобы не швырнуть в него его же кружкой, и, овладев собой, просто скрестил руки на груди и сказал:

— Нам нужны были люди.

— Нам были нужны солдаты.

— А они кто?

— Федераты! — Бассандер наконец повернулся ко мне. — Верны, пока им платят. Стоит им получить более выгодное предложение, как они тут же пойдут против нас.

— Значит, нельзя позволить им получить такое предложение. — Теперь, в свою очередь, презрительно кашлянул я. — Накинем еще половину от того, что им платил Борделон.

— Кто-то все равно может предложить больше. Я им не доверяю. Корво тоже. Наше сотрудничество приносит плоды только благодаря деньгам.

— А что может измениться? — спросил я и схватился за лицо. В висках стучало. Я слишком рано покинул медику. — За нами стоят Имперские легионы. Корво прекрасно это знает. Мейдуанский Красный отряд...

— Мейдуанский Красный отряд, — саркастично повторил Бассандер, опускаясь в старое кресло коммодора Борделона. — Знаете, что это для меня?

Я надавил на глазные яблоки, чтобы голова прояснилась, и сказал:

— Трибун возложила на нас миссию по поиску сельсинов, и мы...

— Это наказание. Она подсунула мне вас вместе с вашей бандой в наказание. Одной Земле известно почему.

Я прищурился:

— Сколько вы уже не спите?

Бассандер рассуждал так, как будто провел наедине с собой долгие годы, как будто тысячи раз репетировал этот разговор в пустынных коридорах «Фараона», пока остальные спали. Поняв, на что я намекаю, он промолчал, лишь сердито посмотрел на меня, и это дало мне возможность продолжить:

— Хотите, чтобы я отправился на планету искать Самира? И Крашеного?

Коммодор, который на самом деле был капитаном, нахмурился:

— Хочу, чтобы вы держали Корво на коротком поводке, только и всего. Повторяю: у меня к ней нет доверия.

— Она с нами уже семнадцать стандартных лет, — парировал я. — Я назначил ее капитаном «Мистраля».

Заметив раздражение Бассандера, я примирительно вскинул руки:

— Мы назначили. У нее хорошо получается.

Прежде Отавия Корво была третьим помощником Эмиля Борделона на «Фараоне», и то, с какой охотой она пошла против бывшего начальника, многое говорит о его отношении к офицерам. Однако я не стану утверждать, что не понимал опасений Бассандера. Я невольно взглянул на стол, украшенный резными барельефами слившихся в экстазе нимф и сатиров.

Бассандер сделал глубокий глоток из кружки.

— Я просто хочу, чтобы вы участвовали в процессе.

Про себя я улыбнулся, но внешне остался невозмутим.

— Любезно с вашей стороны.

— Однако о том, чтобы руководить группой высадки, не может быть и речи, — заявил Лин. — Особенно после случившегося

на Фаросе. Мы едва не потеряли вас и капитана Азхар. Мне совсем не нужно, чтобы джаддианцы обозлились на нас из-за гибели их посланника.

— Но с этим экстрасоларианцем, Крашеным, должен встретиться кто-то из лидеров отряда. Корво исключается, а Джинан я не отправлю.

Капитан собрался перебить меня, и я добавил:

— Бассандер, это должен быть кто-то, представляющий Империю. Корво и Джинан не подходят, Валка — тоже. Остаемся только мы с вами. Послать вас нельзя, значит это буду я. — (Между нами рыбой на леске забилась тишина.) — Но нам так ничего толком и не известно... Человек Корво хоть о чем-то договорился?

— Он дал понять, что нас интересует ядерное... антиматериальное оружие и тому подобное.

— Демоны? — не удержался я.

— Что? — опешил Бассандер. — Бог и император, нет!

Его отвращение было мне понятно. Я сам являлся отпрыском благородного дома, воспитанным в страхе перед мерикани, чей безжалостный конгресс, управляемый искусственным разумом, едва не уничтожил человечество в доимперские времена. Я не удивился бы, если бы чопорный Бассандер отчитал меня или даже обвинил в ереси, но он лишь заскрежетал зубами, позволяя мне объясниться.

— Я только имел в виду, что раз мы ищем экстрасоларианцев, то должны просить нечто большее, чем ящик плазмометов.

— С каких пор ядерное оружие превратилось в плазмометы? — Бассандер воздел глаза к потолку, словно прося бога дать ему терпения.

Я развел руками:

— Так вы хотите, чтобы я высадился, или нет?

— Не хочу. — Бассандер откинулся на спинку кресла. — Но прошло уже почти пятьдесят лет, с тех пор как мы покинули Эмеш. Пятьдесят лет, Марло. Знаете, сколько колоний разорили сельсины, пока мы были увлечены вашей авантюрой?

— Рыцарь-трибун Смайт считает...

— Тринадцать, — перебил Бассандер. — Тринадцать, Марло.

Он принялся перечислять названия: Баннатия, Ликия, Идунн... и с каждым словом повышал голос, пока едва не перешел на крик:

— Я ложусь в фугу, а когда просыпаюсь, то узнаю, что список пополнился. Погибших миллионы. Всякий раз. А я палец о палец не ударил, чтобы этому помешать.

С трудом поборов желание встать и уйти, я спросил:

— А чем, по-вашему, мы занимаемся?

— Впустую тратим время! — выпалил он. — Во имя Земли, я только что принял очередное послание! Новое нападение, Марло, и число жертв еще не успели подсчитать.

— Если нам удастся заключить мир хотя бы с одним кланом сьельсинов, мы повлияем на ход войны сильнее, чем любая битва. — Я все-таки поднялся, одернув короткий камзол. — Нравится вам или нет, я отправлюсь с группой высадки.

Бассандер резко кивнул и принялся тереть переносицу:

— Пожалуй, вы правы. Да простит меня Земля.

— Мне нужно перебраться на «Бальмунг», — сказал я, отворачиваясь. — Времени хватит?

Капитан, разодетый коммодором, почесал подбородок, даже не взглянув в мою сторону. В огромном кресле Борделона, за громадным столом он выглядел крошечным, придавленным гнетом пережитых вместе со мной и в одиночестве лет.

— Человек Корво еще не подал сигнал. Время есть.

Когда я уже готов был выйти, он окликнул меня:

— Марло!

— В чем дело, Лин? — остановился я, назвав его по фамилии. Он никогда не замечал разницы между обращениями по имени и фамилии. Для него это не имело значения.

— Шутки шутками, но мы — военная организация, а не эскорт для вашего гарема.

Во мне вспыхнула ярость, и я вздрогнул. Сжал кулаки, напряг плечи. Но сдержался, ответив лишь:

— Одна женщина — еще не гарем, капитан.

Даже не оборачиваясь, я почувствовал, как всколыхнулся воздух. Обращение «капитан» не понравилось коммодору.

— Все хорошо? — выходя из каюты Бассандера в бронзовый коридор, услышал я знакомый голос и, повернувшись, увидел у двери своего ликтора. Его темно-красная униформа была изрядно помятой, как будто он долго опирался на переборку.

— Выглядишь так, словно тебя поколотили, — сказал он.

— Хлыст! И чувствую себя так же, — ответил я, протирая глаза. — Лин весь вечер в своем репертуаре.

— Все настолько плохо? Кстати, сейчас утро, — уточнил Хлыст.

Следуя за мной по коридору, он клацал каблуками.

— Правда? — в недоумении переспросил я. — Тьма меня разбери...

Мы прошли мимо пары младших механиков — норманцев. Те отсалютовали мне, восклицая: «Лорд Марло!» Я с улыбкой помахал им. Даже от этого незначительного усилия у меня разболелась голова.

Ожидая вызванный Хлыстом лифт, я осмотрел ликтора. За время моего сна в фуге он стал выглядеть старше. В уголках мутно-зеленых глаз наметились «гусиные лапки», среди рыжих волос засебрились соломенные и седые. Сам я ничуть не изменился с Эмеша, а вот Хлыст несколько поистерся. Впрочем, я-то был рожден в замке и выращен по строгому плану, без участия родителей; каждый мой ген был непогрешим, как у сверхчеловека. Хлыст же появился на свет в семье клерка и, отданный в рабство за отцовские долги, все детство подвергался издевательствам. Он был выходцем из низшего сословия, но по воле судьбы или случая нас связывала крепкая дружба.

— Шаттл ожидает в трюме, — сказал Хлыст, приглаживая волосы и форму.

Блестящая дверь лифта послужила ему зеркалом. Когда она с шипением открылась, ликтор робко улыбнулся приехавшему в кабине легионеру. Тот вышел, поклонился мне — но не отдал честь — и быстрым шагом удалился по коридору.

Хлыст стал серьезен:

— Капитан Азхар послала за тобой, как только узнала, что Лин тебя полощет.

При упоминании Джинан Азхар я выпрямился:

— Замечательно. Не хочу оставаться здесь ни минуты.

Бассандер перебрался на «Фараон» сразу после того, как мы захватили корабль на Фаросе и объявили новым флагманом нашего разросшегося флота. Норманку Корво перевели на «Мистраль», небольшой угранский перехватчик, взятый вместе с «Фараоном». Наш прежний флагман, старинный имперский эсминец «Бальмунг», перешел под командование джаддианского посланника, капитана Джинан Азхар. Бассандер доверял ей и ее меднокожим профессиональным солдатам из Княжеств. Для них понятие чести не было пустым звуком. Они дали клятву верности его высочеству Верховному князю Аддии ди Отранто, первому среди равных правителей Княжеств Джадда. Джинан с Лином были похожи — и не похожи одновременно. Таким образом, теперь тремя нашими кораблями управляли капитаны: имперец, джаддианка и норманская наемница. Младших офицеров поровну распределили по экипажам, чтобы все могли присматривать друг за другом, а Бассандер — за всеми сразу.

Вот почему я хотел как можно скорее покинуть «Фараон». Мало того что имперские офицеры докладывали Бассандеру всякий раз, когда я покидал каюту, так он еще и с помощью камер наблюдал за мной. А вот за происходящим на «Бальмунге» он следить не мог. Были и иные причины. Прежде всего, на «Бальмунге» находились пленные сьельсины. Мы держали их в яслях для фуги, в которых обычно перевозили скот между звездными системами. Эти ясли невозможно было перенести с одного корабля на другой, и Бассандеру пришлось оставить сьельсинов под надзором Джинан. Валка Ондерра тоже не пожелала забрать свои бумаги и кристаллы данных из кабинета в гидропоническом отсеке «Бальмунга». На корабле остались и другие мои друзья: Хлыст, Гхен, старый Паллино, еще несколько мирмидонцев, знакомых мне по Колоссо Боросево. Остальных распределили на «Фараон» и «Мистраль». И конечно, здесь была Джинан, которая по сравнению со скучным Бассандером все равно что цветок в пустыне.

— Давно проснулся? — спросил я Хлыста, массируя виски.

Он сунул руки в карманы:

— Недели три как. Джинан разбудила меня, когда Корво отравила Бандита на поверхность.

— Бандита? — Я вспомнил молодого норманского лейтенанта Карима Гароне. — Хорошо, а то я боялся, что Лин мог додуматься послать Суассона или Дулию.

Хлыст улыбнулся так, что лицо чуть не треснуло.

— Только если захотел бы устроить очередную заварушку.

Мы посмеялись. Лифт со свистом тронулся. «Фараон» был типичным угранским флагманом: кинжаловидным, две мили в длину, достаточно плоским, с заостренным носом. Мостик располагался почти на самой корме, наверху напоминающей рыбий плавник двухсотпятидесятиметрового шпиля. Каюта Бассандера находилась рядом с мостиком. Мы покинули шпиль; лифт переместился в горизонтальную шахту, где через добрых сто метров снова опустился и направился еще дальше к корме. В хвостовой части «Фараон» расширялся — здесь размещалась связка двигателей, окруженная кольцом варп-двигателя, и ангары для шаттлов и двух десятков легких истребителей класса «пустельга» для межкорабельных баталлий. Я наблюдал, как красная точка на голубом терминале лифта обозначает наше движение вниз.

— Как Этьен? — спросил я, уткнувшись лбом в стену над терминалом.

Этьен был норманским солдатом и последним известным мне любовником Хлыста.

Ликтор ответил не сразу:

— Все кончено. Но он служит здесь, а я на «Бальмунге», поэтому все в порядке.

— Жаль, — сказал я.

— Чего жалеть? — усмехнулся Хлыст. — Он сам виноват. А как у тебя с дамой сердца?

Вспомнив замечание Бассандера насчет гарема, я потупил взгляд:

— Хорошо. Все хорошо.

То ли из уважения к моему самочувствию, то ли потому, что сказать больше было нечего, Хлыст замолчал. Мы оказались в новом коридоре, похожем на тот, из которого вышли, только шире, со скругленными углами и ребристыми переборками каждые десять метров. На потолке и стенах немигающе светили диодные лампы. Мы миновали троих легионеров в темно-красной униформе. Если они и поприветствовали меня, я этого не заметил.

Шаттлы висели под «Фараоном», подобно рыбам-прилипалам под брюхом большой акулы. К ним вел извилистый трап. Как положено по протоколу, Хлыст спустился первым и получил разрешение на вылет. Кроме нас и пилота, молодого светловолосого норманца с оливковой кожей, на борту не было никого. Хлыст сел за его спиной лицом ко мне, а я опустился на скамью в хвосте. Ответив на приветствие пилота, насколько позволили силы, я устроился поудобнее и впервые с момента пробуждения выглянул наружу через окно из алюмостекла.

— Отключаю компенсирующее поле, — объявил пилот, и мгновением спустя искусственная гравитация исчезла.

Несмотря на ремни безопасности, я немного поднялся в воздух. После пребывания в фуге ощущение было не из приятных. Хлыст разглядывал ладони. Раздался громкий язг.

— Фал отсоединился, — прокомментировал пилот.

Остальные его реплики прошли мимо моих ушей. Мы вывалились из чрева «Фараона» во тьму. Удалившись от металлической громады корабля, оказались в открытом космосе. Я заметил подернутый облаками коричневый диск планеты Рустам. Теперь от этой имперской колонии почти ничего не осталось. Через окно был виден черный шрам на поверхности одного из материков, на границе света и тени, где съельсины вырвали из земли целый город.

Я сглотнул, на миг забыв о мучительной головной боли. Ни до, ни после я не сталкивался с чем-то столь же устрашающим. Почувствовав, что Хлыст наблюдает за мной, я опустил взгляд.

— Дворец палатина стерли с лица земли, — сказал он, — вместе со всем правительством, почти десять лет назад. Новый город — на другой стороне, отсюда не видать.

— Сколько?

— Погибших? — уточнил Хлыст. — Точно не знаю. По словам Лина, около двух миллионов. Но выживших в два раза больше.

Я отвернулся. Черные развалины словно смотрели на меня. Сквозь меня.

— Может, Лин прав, и мы тратим время зря.

— Ты бы не смог предотвратить это.

— Не смог бы, — согласился я, — но в наших силах не допустить повторения.

Мы оба понимали, что это ложь. Прямо сейчас где-нибудь в Пространстве Наугольника сельсины уничтожали другую планету.

Я закрыл глаза, прячась от темноты, но лишь обрел иную, еще более глубокую тьму.

Глава 2

СПЯЩИЕ И НЕПРИКАЯННЫЕ

Холод. В кубикле всегда стоял холод. Иней покрывал пол и обрамлял силуэты яслей, в которых спали наши демоны. Ветер из вентиляционных отверстий что-то злоецо нашептывал, и меня пробрала дрожь, даже несмотря на униформу. Я проводил в этой камере много времени, особенно до заварушки на Фаросе. Это место напоминало мне семейный некрополь под Обителью Дьявола, где в погребальных сосудах хранились глаза, мозги и сердца моих предков. Быть может, поэтому я испытывал здесь некое мрачное умиротворение. А может, дело в холоде. После целой вечности на тропическом Эмеше мне пришлось по душе лютый мороз и тишина. Ни звука, кроме гула машин, моего собственного дыхания и похрустывания льда под сапогами.

Здесь, в промозглых склепах, спали сельсины, зависшие между двоичными ударами пульса, словно вурдалаки в ожидании кровавой луны, когда можно будет восстать из мертвых и снова напиться человеческой крови. Выжившие с разбившегося на Эмеше корабля. Всего одиннадцать. Скрестив руки на груди, чтобы согреться, я прошел вдоль капсул, углубляясь в кубиклу. Воздух стал еще

морознее. На каждой капсуле были написаны имена: Этанитари, Оанаторо, Сватаром, Танаран. У яслей Танарана я задержался, пощупал пальцами зазеленелую поверхность. Их командир. Какой-то жрец, насколько я мог судить, или, по крайней мере, нобиль. В ясли он улегся добровольно, согласившись с моим планом.

— Почти добрались, — произнес я, представляя, что существо может меня слышать, и отвернулся.

Где же капитан Азхар? Хлыст уже должен был сообщить ей о моем возвращении. Лампочки на яслях успокаивали приятным голубоватым светом. Никаких проблем.

— Скоро будете дома, — добавил я.

— Вы все еще в это верите?

Я едва не подскочил как ужаленный, а обернувшись, увидел женщину, но не ту, которую ожидал. Передо мной стояла Валка Ондерра Вхад Эда. Вопреки всему, что мы пережили после Эмеша — и отчасти из-за этого, — мне снова стало больно при одном только взгляде на нее. Тонкая, бледная, словно вырезанная из хрустала, с пронизательными глазами. Не подумайте, я не хочу сказать, что она была хрупкой. Скорее наоборот — при встрече она могла вас ранить. Со мной это случалось всякий раз.

Она была тавросианкой, потомком древних траватскаров, бежавших из нордских колоний на Ганимеде. Косторезы, формировавшие генетический код, создали ее похожей на Афины Палладу. Высокая, прекрасная, суровая. Ее темно-рыжие волосы казались черными, как мои, и эта чернота до красных на свету, огненных проблесков контрастировала с морозной белизной кожи.

— Я в этом совсем не уверена, — сказала она с улыбкой, но ее золотистые глаза остались холодны.

Потерев ладони, чтобы согреться, я подошел к ней:

— И вы туда же...

— Простите?

Брови Валки вспорхнули в изумлении.

— Я только что говорил с Лином. Он по-прежнему считает, что мы попусту тратим время.

— А-а...

Казалось, она не ощущала холода, хотя была одета всего лишь в брюки и длинную рубашку с изображением черепов и какой-то тавросианской надписью.

Заправив густую прядь волос за ухо, она сказала:

— Адриан, по-моему, он прав.

Поджав губы, я прошел мимо нее в коридор. Внутри «Бальмунга» было темнее, чем на «Фараоне», — кругом черная глазурь и от-

полированная латунь. Соларианский стиль. Этот в прошлом имперский эсминец в какой-то степени все еще оставался таковым. Он был гораздо старше двух других кораблей Красного отряда.

Валка последовала за мной.

— Мне нужно продолжать исследования, — сказала она. — Я хочу поговорить со съельсинами, а Лин не позволяет их будить.

— Понимаю, но бессилён помочь.

— За все эти годы мы не узнали ничего нового. Я...

— Валка, я прекрасно вас понимаю.

Зачем? Зачем она вываливает это на меня сейчас, когда я едва покинул фугу?

Не оборачиваясь, я прикрыл лицо руками и постарался объяснить:

— Я же только что проснулся. Этот разговор может подождать?

Спиной я почувствовал ее прожигающий, словно лазером, взгляд. Мне даже показалось, что запахло паленым.

— Подождать? Сколько уже лет мы не общались?

— Знаю, — повернулся я к ней.

Эти годы прошли довольно удачно. Валка спала в фуге больше моего. Мы заработали репутацию надежной военной компании. Но путь к Воргоссосу был долог, а мы так и не получили подтверждения тому, что планета в самом деле существует. Сомнениям и разочарованию Валки имелось оправдание.

Я отвел ее в альков, где тускло светились наблюдательные мониторы, и сказал:

— У нас есть наводка.

Она хотела было возразить, но я не позволил ей вставить ни слова:

— Бассандер лично меня разбудил. Говорит, Отавия послала Бандита на планету, и тот нашел человека, который выведет нас на экстрасоларианцев.

Валка изменилась в лице. Слабая улыбка тронула ее губы.

— Это правда?

— Была бы неправда, я бы все еще спал. Лин хочет, чтобы я тоже высадился. Ему без меня никак.

— Вот это уже похоже на правду, — скорчив гримаску, пошутила она и одарила меня такой улыбкой, что земля качнулась под ногами.

Договариваться с Валкой было все равно что бороться с бурными волнами, а привязанность, которую я по-прежнему к ней испытывал, змеей вилась в моих внутренностях и еще сильнее усложняла дело.

— Хорошо выспались? — спросила она с интонацией, которая вернула нас обоих на твердую почву.

— Быть замороженным не так тяжело.

Впрочем, я понимал, к чему она клонит, и покачал головой:

— Меня снова преследовали кошмары, когда я просыпался...

Доктор Окойо говорила, что при выходе из фуги у многих возникают галлюцинации. Подкорка мозга пробуждается быстрее, чем основное сознание. Миндалевидные тела. Гипоталамус. Механизмы памяти и мотивации. Страх.

— ...Я снова видел Борделона. Его смерть. Гиллиама. Уванари.

Последние двое умерли от моей руки: Гиллиам — на поле белой травы в Боросево, Уванари — в мрачных казематах Капеллы. С Борделоном было иначе. Управляя «Фараоном», я сжег его корабль дотла. Потом несколько недель перед глазами стояло, как голограмма сначала бледнеет, затем отключается...

Слушая, тавросианка склонила голову. Мне показалось или она жалеет меня? Ее ладонь легла мне на плечо, и пальцы заботливо сжались. Нет. Беспокоится. Не жалеет.

— При разморозке пробуждаются старые воспоминания, — сказала Валка. — Мусор. Пройдет.

— С вами тоже такое бывает?

— Мои воспоминания, анагуан, хранятся не в голове, — постукала она себя ноготком по виску.

Я сглотнул. Валка, будучи родом не из Империи, в отличие от меня, не испытывала ужаса и отвращения перед машинами. Более того, позволяла им менять свое тело и разум. На Тавросе, откуда она прибыла, такое в порядке вещей. В глазах Святой Земной Капеллы она считалась демониаком. Я же принимал ее за колдунью, которые часто встречались в написанных моей матерью операх. Но она не вызывала во мне страха. Ее увлечение запретными устройствами и познания в технике трудно было переоценить: сначала — на Эмеше, затем — на Ардистаме и Фаросе. И в будущем — тоже.

— Я справлюсь, — сказал я, желая поскорее сменить тему.

Валка, как и все тавросиане, не одобряла насилия. Они развили старинный и довольно странный способ разрешения конфликтов — детант. Каждый тавросианский клан обладал арсеналом, способным полностью уничтожить соседей, поэтому любая стычка грозила стереть с лица земли всю конфедерацию. А еще нас сумасшедшими называют...

— Если наводка Бандита подтвердится, я снова поговорю с Лином, — продолжил я. — Попробую добиться разрешения разбудить кого-то из Бледных.

— Командира, — ткнула меня пальцем в грудь Валка.

— Постараюсь.

Она снова улыбнулась, но улыбка вышла натянутой. Усталой. Черт побери, мы все устали. Даже когда ты в фуге, сорок восемь лет — приличный срок, а я двенадцать из них бодрствовал. Прощаясь с сэром Олорином Милтой на космодроме Боросево, я вообразил, что выполню миссию за несколько месяцев. Как же мало я знал о космических путешествиях!

— Адриан, мы прошли долгий путь. — Валка отступила, приклонившись к стене. — Но я же ученый — я не солдат. А это работа для солдат, — печально усмехнулась она.

— Не навсегда. Когда найдем сьельсинов, у нас будет чем заняться.

С тех пор как мы покинули Эмеш, я обучил Валку языку ксенобитов. Она оказалась весьма способной и с феноменальной скоростью усвоила синтаксис, склонения и сложную, полную половых различий речевую систему. Подозреваю, здесь не обошлось без подключенного к ее черепу деймона.

— Ну что вы, Адриан, — отмахнулась она.

— Не успеете глазом моргнуть, как сможете общаться с ними лучше меня. Я уже много лет не практиковался, — решил подбодрить ее я.

Это сработало. Валка расплылась в дразнящей улыбке и сказала:

— Я уже говорю лучше вас. Но на всякий случай не мешало бы нам еще позаниматься.

Согласившись с ней, я направился из алькова в мерцающую тьму коридора. С потолка лился яркий белый свет, и мы отражались на полу и стенах, как в кривых зеркалах.

Миновав холл, мы вышли в проход с низким потолком — издержку стреловидной конструкции «Бальмунга». Щелеобразные, не шире моей груди, иллюминаторы из укрепленного алюмо стекла тянулись по внешней стенке корпуса. Вдалеке я мог различить очертания похожего на кинжал с чересчур массивной рукоятью «Фараона», с мостиком и шпилем, наподобие гарды.

— Вас Хлыст привез? — спросила Валка. — Столкнулась с ним в коридоре.

Я остановился, взирая сквозь темноту на соседний корабль.

— Да. — Я почти прижимался лицом к стеклу. — А где «Мистраль»?

— На низкой орбите, — ответила Валка. — Говорят, Корво отравила в Арслан команду, но в подробности меня не посвящали.